

Линченко Андрей Александрович,

канд. филос. наук, доцент,

научный сотрудник

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации»;

Полякова Ирина Павловна,

д-р филос. наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,

г. Липецк, Россия

КАК ИСТОРИЯ СТАНОВИТСЯ СЕМЕЙНОЙ? ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

Статья посвящена исследованию категориального и понятийного контекста описания пространства семейной памяти. Выявлены основные особенности семейной памяти. Проанализирована специфика артикуляции пространства и времени в семейных коммеморациях, а также обоснована важная роль использования понятия «хронотоп» применительно к репрезентации прошлого в семье. Понятие «семейная память» проанализировано в контексте понятий «след прошлого», «исторический опыт», «историческое сознание», «автобиографическая память», «семейная история».

Ключевые слова: семейная память, генеалогическая память, историческое сознание, исторический опыт.

Andrej A. Linchenko,

Ph.D in philosophical sciences, associate professor,

research scientist,

Lipetsk branch of FSEBI HE «Financial University

under the Government of the Russian Federation»;

Irina P. Polyakova,

Doctor of philosophical sciences, professor,

FSBEI HE «Lipetsk state technical university»,

Lipetsk, Russia

HOW HISTORY BECOMES FAMILY?

IMAGES OF THE PAST AND HISTORICAL EVENTS IN THE SPACE OF FAMILY MEMORY

The article is devoted to the study of the categorical and conceptual context of the description of family memory's space. The main features of family memory are revealed. The specificity of the articulation of space and time in family commemorations has been analyzed, and the important role of using the concept of «chronotope» in relation to the representation of the past in the family has been substantiated. The concept of «family memory» is analyzed in the context of such concepts as «trace of the past», «historical experience», «historical consciousness», «autobiographical memory», «family history».

Keywords: family memory, genealogical memory, historical consciousness, historical experience.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-411-480001 «Трансформация повседневной мифологии семейной памяти в культурном ландшафте современной Центральной России: научная аналитика и региональные социокультурные практики».

С момента появления семьи как важного социального института и особой социальной группы одной из наиболее популярных тем в эпосе и литературной традиции является тема семейной памяти. И действительно, говорим ли мы о генеалогии знати или мы говорим о мире повседневных традиций простого крестьянина, каждый раз сталкиваемся с важной ролью семейной памяти в процессе воспроизводства семейных взаимоотношений. Как известно, семейная память оказывается важным условием формирования как памяти автобиографической, так и коллективной памяти. Более того, именно семейная память оказалась в числе наиболее важных источников устной истории, истории повседневности, а также публичной истории во второй половине XX века. Исследованиям семейной памяти посвящены десятки монографий и сотни статей, большинство из которых написаны историками, социологами и культурологами. В последние годы семейная память стала привлекать внимание отечественных [2; 3; 5] и зарубежных философов [7; 9; 11]. В работах последних лет были удачно рассмотрены вопросы интерпретации семейной памяти как «программы социального наследования» [5], проблемы

разграничения семейной и семейно-родовой памяти [3], роль и место нарративного поворота в исследовании семейной коммеморации [2]. В одном из наиболее заметных исследований последних лет семейно-родовая память трактуется как «программа восприятия, воспроизведения, сохранения и передачи социального наследия, сложившаяся в сознании человека как репрезентант сложнейшей социальной системы родства – свойства, являющегося базовой матрицей по отношению ко всем остальным общественным отношениям. Память «окрашивает» их чувствами, мифологизирует и трансформирует, передается потомкам в виде семейных историй, легенд. В последующих поколениях это закрепляется в своеобразии ментальных характеристик общности» [5, с. 18].

При этом философская концептуализация семейной памяти далека от завершения. Зарубежные исследователи подчеркивают, что одним из наиболее значимых вопросов сегодня является проблема того, «как семейные воспоминания транслируются в культурную память» [9, р. 312], что предполагает изучение различных форм медиации и динамики смыслов прошлого. Данный аспект является не единственным. Не менее интересны исследования семейной памяти в перспективе межпоколенческой динамики [12], а также транснациональных форм циркуляции коллективной памяти [11]. В этой связи особое значение приобретает категориальный анализ того социального пространства, которое мы именуем семейной памятью. Другими словами, нас будет интересовать, что представляет собой та система понятий и категорий, которую мы можем использовать для описания различных форм обращения с прошлым в семейной памяти.

Однако прежде чем мы обратимся к анализу ключевых категорий и понятий артикуляции прошлого в сфере семьи, постараемся зафиксировать для себя основные характерные особенности семейной памяти, оказывающие влияние на все этапы формирования, сохранения, трансляции и воспроизводства знаний о семейном прошлом и историческом прошлом в семейном контексте. Данными характеристиками будут являться:

а) предельное влияние антропологического контекста и, в первую очередь, поколенческой динамики и межпоколенческой коммуникации;

б) фундаментальное значение повседневной сферы;

в) ярко выраженный этический характер семейной памяти;

г) высокий уровень персонализации и индивидуализации (семейная память всегда воспроизводится в контексте автобиографического опыта конкретного человека);

д) важная роль мифологизации представлений о прошлом семьи.

Ключевое значение в этой связи для нас приобретают понятия времени и пространства, способы артикуляции которых лежат в основе различных форм обращения к прошлому в исторической культуре общества. В отличие от иных социальных форм, семья выступает особой социальной группой, где отношения между индивидом и обществом оказываются опосредованными системой кровнородственных связей и высоким уровнем социально-психологической сплоченности. Именно это оказывает важнейшее влияние на характер протекания времени и на специфику пространства в семейных коммеморациях. Семейная коммеморация оказывается особым хронотопом и отличается спецификой темпоральности. Единицей измерения времени в таком случае оказывается либо поколение, либо какой-либо отдельный представитель семьи. Последнее оказывается особенно важным в случае представителя семьи, получившего широкую известность в истории и культуре страны. Время семейной памяти – это время конкретных жизненных ситуаций, связанных с отдельными личностями или с определенным поколением в целом. В этой связи наиболее явной формой схватывания времени в семейной коммеморации является генеалогическая память, которая является в первую очередь памятью о динамике семейно-родовых связей и отношений. Семейная память создает и особую конфигурацию пространства, которое наполняется духовным смыслом и «насыщается», «уплотняется» практическим и нарративным контекстом семейных воспоминаний. Подобная конфигурация пространства создает особый культурный ландшафт, нашедший выражение в таких явлениях как

«родовое гнездо», «семейный очаг», «дом предков», «малая Родина». Каждый из перечисленных феноменов является особым локусом пространства. Принципиально важно в этой связи использование понятия «хронотоп» в интерпретации М.М. Бахтина. В нашем случае речь идет о глубокой интеграции времени и пространства посредством семейной коммеморации. Именно данная взаимосвязь генеалогической истории и пространства семейного опыта может быть зафиксирована с помощью понятия «семейно-родовая память».

Следующий вопрос – это проблема динамики самого семейного хронотопа. Речь идет в первую очередь о специфике ритма протекания времени в семейной среде. В данном случае мы опять возвращаемся к особенностям семейной памяти как таковой и, в первую очередь, к антропологическому и повседневному контекстам. Безусловно, этнология и антропология могут дать нам множество самых интересных примеров динамики времени в семье. Однако наиболее интересными и близкими к философскому уровню осмысления данной проблемы являются исследования Маргарет Мид, которая выделяла как минимум три культуры межпоколенческого взаимодействия и социализации: постфигуративную (молодежь перенимает опыт старшего поколения как безусловную ценность), конфигуративная (молодежь учится у современников и сверстников), префигуративная (взрослые учатся у детей) [6]. В этом смысле культуры межпоколенческого взаимодействия во многом могут быть сопоставлены с режимами историчности, о которых писал Ф. Артог (пассеизм, футуризм, презентизм) [10]. Все вышесказанное позволяет нам достаточно уверенно говорить о своеобразии семейной памяти как формы актуализации опыта прошлого. Вместе с тем, анализ семейного хронотопа и его динамики является недостаточным для описания того категориального и понятийного поля, которое отражает специфику семейных коммемораций и знаний о прошлом.

Как и другие формы исторической культуры, семейная память обращена к прошлому через совокупность исторических событий. Конечно, можно было бы сказать, что она транслирует в первую очередь знания о конкретных

представителях рода. Однако в действительности речь идет о событийном контексте, в котором представители семьи принимают участие или являются творцами событий. В этой связи предельно важно, что историческое событие трактуется сегодня как «динамичная темпоральная конфигурация», и, более того, подчеркивается, что «событие имеет также собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто это событие проживал. Все вместе погружено в историко-культурный контекст, имеющий свое прошлое, собственную форму настоящего и определенное видение будущего, присущее тем, кто это событие приветствует или отрицает» [8, с. 431]. Это означает, что события семейной памяти переоцениваются с приходом нового поколения, приобретают новый мировоззренческий контекст. Именно такая трактовка событий семейной истории позволяет нам говорить не только о генеалогической, но и о семейно-родовой памяти в общей структуре семейных коммемораций. «Пространство родства определяет специфику структуры семейно-родовой памяти, событийность жизненных ситуаций фиксируется семейно-родовой памятью в зависимости от социальных позиций родственной группы, инвариантности частных практик и жизненных стратегий в разных исторических и поселенческих ситуациях» [5, с. 18].

В чем же состоит специфика сохранения и воспроизводства исторических событий на уровне семейной памяти? События семейной истории лишь в относительной степени могут быть соотнесены с событиями в исторической науке. Как видится, речь идет о тех целях и средствах, которые характерны для данного типа коммеморации. Совершенно справедливо отмечается в литературе, что «домашний архив создается для детей и внуков, для друзей и близких, а не для публикации» [3, с. 240]. Соответственно этой основной цели семейной памяти подбирается и соответствующий набор средств, не характерных для описания событий, например, в исторической науке. Важнейшими средствами артикуляции семейной памяти оказываются мемуары, дневники, письма членов семьи, артефакты, фамильные портреты и фотографии. Не менее важны ритуалы и практики семейной коммеморации,

способы проведения совместных праздников. Как видно, цели и средства коммеморативной деятельности задают специфику тех знаний о прошлом, которые транслируются в семейной памяти. Однако подробнее увидеть это можно, только если мы проанализируем всю цепочку движения представлений о прошлом в процессе семейной коммеморации.

Конструктивистский характер современных размышлений о коллективной памяти указывает на факт изначальной избирательности по отношению к тому прошлому, которое мы могли бы рассматривать как существовавшее само по себе. В этой связи исходной единицей накопления знаний о прошлом в семейной памяти оказываются следы прошлого. Прошлое как «след» принадлежит как прошлому, так и настоящему. Андреас Буллер отмечает: «Уже одним своим существованием «СЛЕД» конкретизирует прошлое, выделяя из безграничного «все, что было», только определенные события, образы и феномены ... С другой стороны, СЛЕД не дает окончательно уйти тому, что давно уже ушло и прошло. И этим он в какой-то мере проецирует нас: СЛЕД стирает границу между тем, что БЫЛО, и тем, что ЕСТЬ. Он сам является одновременно тем, что было, и тем, что есть» [4, с. 26]. «Следы прошлого» в семейной коммеморации оказываются шире нарративных форм описания прошлого, поскольку могут разрушать все привычные способы их линейного последовательного описания. Другими словами, не все следы прошлого встраиваются в семейные рассказы, а некоторые могут и противоречить им.

Однако, прошлое, уступая настоящему, продолжает существовать не только в форме следов, образующих его материально-идеальный каркас. Отдельные участки прошлого могут сохраняться в форме определенного семейного исторического опыта. Понятие «исторический опыт» нередко ошибочно отождествляют со знаниями о прошлом. В этой связи укажем на работы Ф.Р. Анкерсмита. По его мысли, исторический опыт – это то, что всегда со мной и не поддается теоретической экспликации, но как повседневный фон присутствует при обращении к прошлому и изменениям во времени. В

историческом опыте, считает он, человек испытывает радикальную странность (жуткость) прошлого; здесь оно не конструкт рассудка, а реальность, которая обнаруживается в опыте с той её прямоотой, как это свойственно возвышенному. «...мы переживаем прошлое так, как способны переживать произведение искусства. В обоих случаях нам требуется оставаться «на поверхности», не поддаваясь соблазну искать более глубокие основы того, что мы видим и переживаем, будь то на стороне субъекта или на стороне объекта. Истина здесь не играет никакой роли...исторический опыт – не слуга, а проводник истины» [1, с. 427-428].

Следующим этапом, возникающим перед нами на пути от прошлого к настоящему, оказывается семейная память. Семейная память в подобном случае оказывается механизмом языкового преобразования семейного исторического опыта, она преобразует исторический опыт в нарратив. Более того, семейная память способствует преобразованию коммуникации в общение, то есть коммуникация приобретает форму эмоциональной вовлеченности в процесс такого обмена и интенционального переживания опыта прошлого. Здесь, однако, следует заметить, что данная схема не является столь линейной. Не весь исторический опыт оказывается артикулированным в нарративах, представленных, например, семейными рассказами. Значительная часть семейной коммеморации может протекать на уровне так называемого «практического прошлого» (Й. Уайт). Речь идет о совокупности коммеморативных практик, которые могут существовать в повседневной жизни семьи, но не быть артикулированными в рассказах и семейной истории. При этом подобные практики (ритуалы труда, быта и досуга) оказываются важной частью семейной памяти и семейных традиций. Интересно, что данные практики могут быть как аутентичными для семьи, так и могут быть связаны с общепринятыми практиками коллективной памяти (участие в праздниках, общественных коммеморациях, общественных ритуалах). В таком случае семейные традиции получают более широкое определение как совокупность семейных нарративов и коммеморативных практик, задающих особенности

восприятия пространства и времени в семейных коммуникациях, а также способствующих формированию особой семейной идентичности.

Следующий этап связан уже с формированием семейного исторического сознания, когда следы прошлого, исторический опыт и семейные воспоминания объединяются в определенную смысловую конфигурацию. В данном случае мы говорим уже об особом типе знаний о прошлом, который представляет рефлексивный способ воспроизводства событий семейной памяти. Речь идет, в том числе, и о критической переоценке семейного прошлого, которое не всегда состоит из светлых страниц. Именно на этом уровне семейная память по-настоящему становится семейной историей, а история страны, сообщества или культуры приобретает отчетливое семейное измерение. Семейное историческое сознание может уступать семейной памяти в вопросах охвата различных следов прошлого или многомерности исторического опыта, который может оставаться в памяти семьи, но не быть отрефлексированным. Однако, семейное историческое сознание превосходит семейную память по степени рефлексивности и рациональности интерпретации страниц семейной истории. Сама семейная история в этой связи возможна только при посредничестве исторического сознания, наделяющего смыслом вехи поколенческой динамики и указывающего на роль семьи в истории культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – Москва: Издательство «Европа», 2007. – 605 с.*
- 2. Беспалова Ю. Нарративный поворот в социологии и проблема сохранения семейно-родовой памяти // Телескоп. – 2015. – №3 (111). – С. 21-24.*
- 3. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 514 с.*
- 4. Буллер А. Три лекции о понятии «след». – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 128 с.*
- 5. Логунова Л.Ю. Социально-философский анализ семейно-родовой памяти как программы социального наследования. Дисс. на соиск. уч. ст. доктора философских наук. 09.00.11. – социальная философия. – Кемерово, 2011. – 267 с.*

6. Мид М. *Культура и мир детства. Избранные произведения.* – Москва: Наука, 1988. – 429 с.
7. Томсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // *Хрестоматия по устной истории.* – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. – С. 110-146.
8. Чеканцева З.А. Событие историческое // *Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь.* – Москва: АКВИЛОН, 2016. – С. 430-432.
9. Erll A. *Locating family in cultural memory studies // Journal of Comparative Family Studies* – 2011. – Vol. 42. – No. 3. – pp. 303-318.
10. Hartog F. *Regimes of Historicity: presentism and experiences of time.* – N.Y.: Columbia University Press, 2013. – 245 p.
11. Hirsh M. *Family frames: photography, narrative and postmemory.* – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. – 304 p.
12. «Opa war kein Nazi». *Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis / (Hrs.) Welzer, Harald; Moller, Sabine; Tschuggnall, Karoline.* – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. – 256 p.